

Обзор некоторых правовых позиций по вопросам нарушений пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в гражданском судопроизводстве в прецедентной практике Европейского суда по правам человека.

Пункт 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод говорит о том, что каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Нарушение вышеназванной нормы является одним из наиболее часто встречающихся, что закономерно влечет огромное количество вопросов правоприменения, находящих свое отражение в решениях Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ).

Пункт 1 статьи 6 Конвенции налагает на Договаривающиеся Государства обязанность организовать свои правовые системы таким образом, что их суды могут отвечать требованиям пункта 1 статьи 6 Конвенции (*Surmeli v. Germany*, № 75529/01, § 129).

Для того, чтобы была применимой статья 6 пункт 1 в ее «гражданском» аспекте, должен существовать спор в отношении «права», которое можно считать, пусть даже и на спорных основаниях, признанным в соответствии с национальным законодательством, независимо от того, охраняется ли это право в соответствии с Конвенцией. Спор должен быть реальным и серьезным; он может быть связан не только с фактическим существованием права, но также со сферой его действия и способом его реализации; и, наконец,

результат разбирательства должен быть непосредственно решающим для рассматриваемого права. В связи с этим, характер законодательства, которое регулирует порядок решения вопроса (гражданское, коммерческое, административное право и так далее), и тип органа, наделенного юрисдикцией в этом вопросе (обычный суд, административный орган и так далее), не имеют решающего значения (*Bochan v. Ukraine*, №7577/02, § 42, 43).

Словосочетание «созданный на основании закона» относится не только к правовому основанию самого существования «суда», но и к составу суда по каждому делу (*Posokhov v. Russia*, № 63486/00, § 37).

Правовая определенность предполагает уважение принципа *res judicata*, то есть принципа окончательности судебных решений. Этот принцип настаивает на том, что ни одна сторона не имеет права требовать пересмотра окончательного и обязывающего судебного решения просто в целях проведения повторного рассмотрения и вынесения нового решения по делу. Полномочия вышестоящих судов на пересмотр должны использоваться для исправления судебных ошибок, неправомερных судебных решений, а не для того, чтобы заменить пересмотр. Пересмотр не может рассматриваться как замаскированная апелляция, а простая возможность существования двух взглядов на вопрос не является основанием для повторного рассмотрения. Отступления от этого принципа оправданы, только если они необходимы в обстоятельствах существенного и неопровержимого характера (*Ryabykh v. Russia*, № 52854/99, § 52).

В соответствии с установившейся практикой, статья 6 пункт 1 гарантирует каждому человеку рассмотрение судом споров о его гражданских правах и обязанностях; таким образом реализуется «право на суд», важнейшим аспектом которого является право доступа к правосудию, то есть право обращения в суд по гражданским делам. Однако это право стало бы иллюзорным, если бы правовая система государства позволяла, чтобы окончательное, обязательное судебное решение оставалось недействующим к ущербу для одной из сторон. Трудно представить, что статья 6, подробно

описывая предоставляемые сторонам процессуальные гарантии - справедливое, публичное и скорое разбирательство, - оставила реализацию судебных решений без защиты; если считать, что статья 6 говорит только о доступе к правосудию и судебном процессе, то это, вероятно, привело бы к ситуациям, несовместимым с принципом господства права, который Договаривающиеся государства обязались соблюдать, когда они ратифицировали Конвенцию (*Hornsby v. Greece*, № 18357/91, § 40).

Факт того, было ли судебное разбирательство справедливым, определяется путем его анализа во всей полноте (*Ankerl v. Switzerland*, № 17748/91, § 38).

Для того чтобы установить, соответствует ли суд требованию гласности, необходимо рассмотреть судебное разбирательство в целом (*Axen v. Germany*, № 8273/78, § 28).

Для целей применения положений статьи 6 Конвенции при разрешении вопросов справедливости производства по делу в судах он должен рассмотреть всё производство в целом, включая принятие решения, выносимого судом апелляционной или кассационной инстанции (*C.G. v. the United Kingdom*, № 43373/98, § 35).

Принцип «равенства сторон» является неотъемлемой частью более широкого понятия справедливого судебного разбирательства. Требование «равенства сторон» в смысле «справедливого баланса» между сторонами распространяется, в принципе, как на гражданское, так и на уголовное судопроизводство (*Feldbrugge v. the Netherlands*, № 8562/79, § 44).

Процессуальное равенство означает предоставление каждой стороне возможности изложить свою позицию на условиях, которые не ставят её в существенно менее выгодное положение по сравнению с другой стороной (*Avotins v. Latvia*, № 17502/07, § 119).

Равенство сторон подразумевает, что каждой стороне должна быть предоставлена разумная возможность представить свое дело, в том числе доказательства, в условиях, которые не ставят ее в заведомо невыгодное

положение по отношению к другой стороне (*Dombo Beheer B.V. v. the Netherlands*, № 14448/88, § 33).

Если суды отказывают в удовлетворении ходатайства о вызове свидетелей, такой отказ должен быть достаточно обоснованным и не являться произвольным; это не должно являться несоразмерным ограничением возможности стороны представить доводы в поддержку своей позиции по делу (*Wierzbicki v. Poland*, № 24541/94, § 45).

Право на справедливое судебное разбирательство, гарантированное пунктом 1 статьи 6, должно толковаться в свете принципа верховенства права, согласно которому стороны должны располагать эффективными средствами судебной защиты, которые позволили бы им отстаивать их гражданские права (*Beles and Others v. the Czech Republic*, № 47273/99, § 49).

Право на состязательное и публичное судопроизводство подразумевает возможность сторон своевременно ознакомиться с каждым документом или замечанием, представленным судье, и принять реальное участие в их обсуждении (*Fudin v. Russia*, № 66637/12, § 26, 28; *Kress v. France*, № 39594/98, § 65; *Martinie v. France*, № 58675/00, § 46; *Ocalan v. Turkey*, № 46221/99, § 146).

Публичный характер судебного разбирательства ограждает стороны по делу от опасности отправления правосудия в условиях секретности, без какого-либо публичного наблюдения; публичный характер судебного разбирательства является также одним из средств утвердить в обществе доверие к судам. Делая процесс отправления правосудия видимым для общества, гласность способствует достижению цели пункта 1 статьи 6 Конвенции — справедливого судебного разбирательства, гарантия которого является одним из устоев демократического общества (*Osinger v. Austria*, № 54645/00, § 44).

Судебное заседание можно признать «несправедливым» и нарушающим требования статьи 6 Конвенции даже в отсутствие доказательств реального вреда (*P., S. и S. v. UK*, № 56547/00, § 96).

Недопустимо, чтобы одна сторона могла совершать в суде действия без ведома другой стороны и без предоставления возможности другой стороне представить соответствующие замечания. Только стороны могут оценить, необходимо ли им проявить реакцию на действия процессуального противника (*Uldozotteinek Szovetsege and Others v. Hungary*, № 32367/96, § 42).

Интересным является вопрос участия прокурора и иных государственных органов в гражданском процессе.

Одно лишь присутствие прокурора или иного сопоставимого должностного лица, будь то «активное» или «пассивное», может рассматриваться как нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции (*Martinie v. France*, № 58675/00, § 53).

Полномочия и обязанности прокуроров ограничиваются преследованием преступлений и общей функцией защиты публичного интереса в системе уголовной юстиции, тогда как исполнением иных функций должны заниматься отдельные, целесообразно расположенные и эффективные органы (*Menchinskaya v. Russia*, № 42454/02, § 19).

Роль прокурора в гражданских и административных процедурах не должна быть доминирующей; вмешательство прокурора может быть допустимо только в том случае, когда цель процедуры не может быть достигнута иным образом (принцип субсидиарности). Также участие прокурора в гражданском и административном секторах должно во всех случаях иметь обоснованную и признаваемую цель (принцип специального назначения). Кроме того, прокуроры не должны иметь полномочий по принятию решений вне сферы уголовной юстиции и не должны иметь больше прав, чем другие стороны, в суде (принцип равенства сторон) (*Menchinskaya v. Russia*, № 42454/02, § 20).

При рассмотрении вопроса участия прокурора в гражданском и административном процессе Европейский Суд учитывает мнение Европейской Комиссии за демократию через право, или «Венецианской комиссии» в ряде своих постановлений (*Menchinskaya v. Russia* № 42454/02, §

21, *Russian Conservative Party of Entrepreneurs and Others v. Russia*, № 55066/00 и 55638/00, § 70 – 73; *Basque Nationalist Party - Iparralde Regional Organisation v. France*, № 71251/01, § 45 - 52; *Ciloglu and Others v. Turkey*, № 73333/01, § 17). Европейский Суд подчеркивает, что при толковании пределов прав и свобод, гарантированных Конвенцией, им часто использовались, по сути, не обязательные документы органов Совета Европы для подкрепления его обоснования положениями, исходящими из этих органов (*Demir and Baykara v. Turkey*, № 34503/97, § 74, 75). Необходимо рассматривать вопрос о том совместимы ли действия прокуратуры с предложенными европейскими стандартами для прокуратуры, функционирующей в государстве, регулируемом принципом верховенства права (*Menchinskaya v. Russia* № 42454/02, § 34).

Европейский Суд также рассматривал вопрос о том, были ли заключения генерал-адвоката или аналогичного должностного лица сообщены стороне заявителя, и имели ли стороны возможность возражения против них (*Goc v. Turkey*, № 36590/97, § 55).

Прокурор или иное сопоставимое должностное лицо, высказывая мнение о том, что кассационная жалоба подлежит удовлетворению или отклонению, тем самым занимает одну из сторон разбирательства, его участие может создать для стороны ощущение неравенства (*Kress v France*, № 39594/98, § 81; *FF.W. v. France*, № 61517/00, § 27). В этом контексте Европейский Суд напоминает, что, хотя независимость и беспристрастность прокурора или аналогичного должностного лица не ставилась под сомнение, повышенная чувствительность общественности к справедливому осуществлению правосудия оправдывала растущее внимание к внешним проявлениям (*Menchinskaya v. Russia*, № 42454/02, § 32).

Что касается случаев противостояния органов прокуратуры и частного лица, органы прокуратуры могут занимать привилегированное положение, что оправданно в целях защиты правопорядка. Тем не менее это не должно приводить к тому, что сторона гражданского судопроизводства ставится в

чрезмерно невыгодное положение по отношению к органам прокуратуры (Stankiewicz v. Poland, № 46917/99, § 68).

Государство должно участвовать в гражданском процессе на равных условиях с другой стороной. «Двойное» участие в гражданском процессе государства (например, в качестве истца, третьего лица или эксперта) является нарушением права на справедливое судебное разбирательство, если это приводит к нарушению баланса процессуальных возможностей сторон: другая сторона ограничена в представлении доказательств и обосновании своей правовой позиции по делу, а государство находится в более выгодном положении и оказывает значительное влияние на принятие судьей решения (Yvon v. France, № 44962/98, § 37).

Отсутствие беспристрастности со стороны эксперта вместе с его положением и ролью в судебном разбирательстве может склонить чашу весов в процессе в пользу одной из сторон в ущерб другой, в нарушение принципа равенства сторон (Sara Lind Eggertsdottir v Iceland, № 31930/04, § 53).